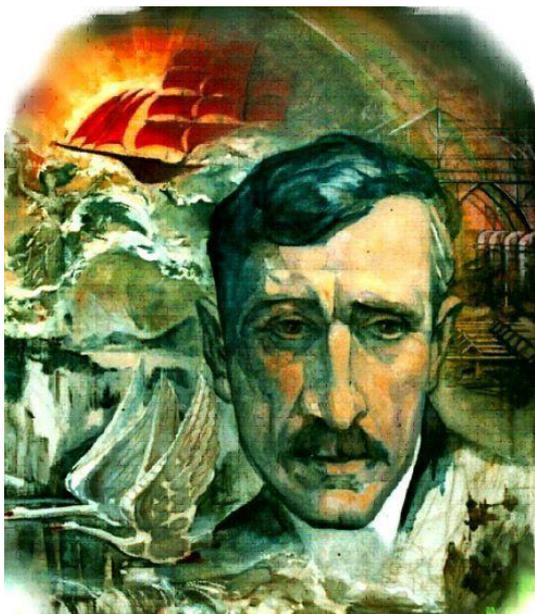

Прочитайте краткую справку о творчестве Александра Грина и его рассказ «Зеленая лампа»

Александр Грин (1880-1932) – известный русский поэт и прозаик, представитель неоромантизма. В своих философско-психологических произведениях использовал элементы символической фантастики. Настоящую славу узнал после публикации феерии «Алые паруса».

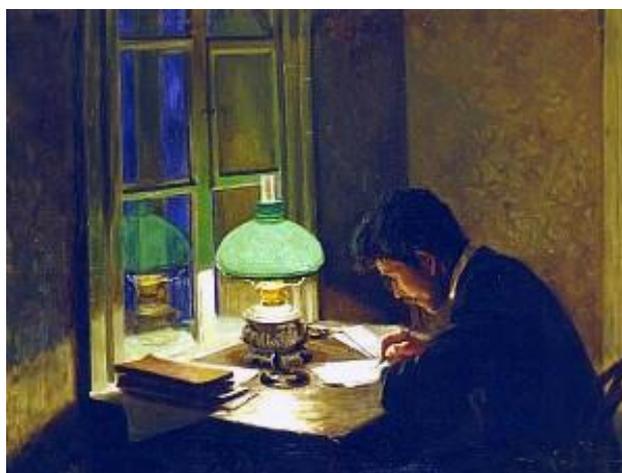
Перу Александра Грина принадлежат почти четыре сотни произведений. И среди них отдельное место занимают два – «Алые паруса» и «Бегущая по волнам». Они уносят читателя из серого и унылого реального мира, перемещая в вымышленную страну. Эта страна с легкой руки критика К.Зелинского стала называться Гринландией. Писатель свято верил, что мечты сбываются, но только в том случае, если это настоящие мечты.

Зелёная лампа

I

В Лондоне в 1920 году, зимой, на углу Пикадилли и одного переулка, остановились двое хорошо одетых людей среднего возраста. Они только что покинули дорогой ресторан. Там они ужинали, пили вино и шутили с артистками из Дрюриленского театра.

Теперь внимание их было привлечено лежащим без движения, плохо одетым человеком лет двадцати пяти, около которого начала собираться толпа.

А. Жмуйдинавичюс. «Всю ночь напролет». 1906

– Стьютон! – брезгливо сказал толстый джентльмен высокому своему приятелю, видя, что тот нагнулся и всматривается в лежащего. – Честное слово, не стоит так много заниматься этой падалью. Он пьян или умер.

– Я голоден... и я жив, – пробормотал несчастный, приподнимаясь, чтобы взглянуть на Стьютона, который о чем-то задумался. – Это был обморок.

– Реймер! – сказал Стьютон. – Вот случай проделать шутку. У меня явился интересный замысел. Мне надоели обычные развлечения, а хорошо шутить можно только одним способом: делать из людей игрушки.

Эти слова были сказаны тихо, так что лежавший, а теперь прислонившийся к ограде человек их не слышал.

Реймер, которому было все равно, презрительно пожал плечами, простился со Стильтоном и уехал коротать ночь в свой клуб, а Стильтон, при одобрении толпы и при помощи полисмена, усадил беспризорного человека в кэб.

Экипаж направился к одному из трактиров Гайстрита. Беднягу звали Джон Ив. Он приехал в Лондон из Ирландии искать службу или работу. Ив был сирота, воспитанный в семье лесничего. Кроме начальной школы, он не получил никакого образования. Когда Иву было 15 лет, его воспитатель умер, взрослые дети лесничего уехали – кто в Америку, кто в Южный Уэльс, кто в Европу, и Ив некоторое время работал у одного фермера. Затем ему пришлось испытать труд углекопа, матроса, слуги в трактире, а 22 лет он заболел воспалением легких и, выйдя из больницы, решил попытать счастья в Лондоне. Но конкуренция и безработица скоро показали ему, что найти работу не так легко. Он ночевал в парках, на пристанях, изголодался, отощал и был, как мы видели, поднят Стильтоном, владельцем торговых складов в Сити.

Стильтон в 40 лет изведал всё, что может за деньги изведать холостой человек, не знающий забот о ночлеге и пище. Он владел состоянием в 20 миллионов фунтов. То, что он придумал проделать с Ивом, было совершенной чепухой, но Стильтон очень гордился своей выдумкой, так как имел слабость считать себя человеком большого воображения и хитрой фантазии.

Когда Ив выпил вина, хорошо поел и рассказал Стильтону свою историю, Стильтон заявил:

– Я хочу сделать вам предложение, от которого у вас сразу блеснут глаза. Слушайте: я выдаю вам десять фунтов с условием, что вы завтра же наймете комнату на одной из центральных улиц, во втором этаже, с окном на улицу. Каждый вечер, точно от пяти до двенадцати ночи, на подоконнике одного окна, всегда одного и того же, должна стоять зажженная лампа, прикрытая зеленым абажуром. Пока лампа горит назначенный ей срок, вы от пяти до двенадцати не будете выходить из дому, не будете никого принимать и ни с кем не будете говорить. Одним словом, работа нетрудная, и, если вы согласны так поступить, – я буду ежемесячно присылать вам десять фунтов. Моего имени я вам не скажу.

– Если вы не шутите, – отвечал Ив, страшно изумленный предложением, – то я согласен забыть даже собственное имя. Но скажите, пожалуйста, – как долго будет длиться такое мое благоденствие?

– Это неизвестно. Может быть, год, может быть, – всю жизнь.

– Еще лучше. Но – смею спросить – для чего понадобилась вам эта зеленая иллюминация?

– Тайна! – ответил Стильтон. – Великая тайна! Лампа будет служить сигналом для людей и дел, о которых вы никогда не узнаете ничего.

– Понимаю. То есть ничего не понимаю. Хорошо; гоните монету и знайте, что завтра же по сообщенному мною адресу Джон Ив будет освещать окно лампой!

Так состоялась странная сделка, после которой бродяга и миллионер расстались, вполне довольные друг другом.

Прощаясь, Стильтон сказал:

– Напишите до востребования так: «3-33-6». Еще имейте в виду, что неизвестно когда, может быть, через месяц, может быть, – через год, – словом, совершенно неожиданно, внезапно вас посетят люди, которые сделают вас состоятельным человеком. Почему это и как – я объяснить не имею права. Но это случится...

– Чёрт возьми! – пробормотал Ив, глядя вслед кэбу, увозившему Стильтона, и задумчиво вертя десятифунтовый билет. – Или этот человек сошел с ума, или я счастливчик особенный. Наобещать такую кучу благодати, только за то, что я сожгу в день пол-литра керосина.

Вечером следующего дня одно окно второго этажа мрачного дома № 52 по Ривер-стрит сияло мягким зелёным светом. Лампа была придвинута к самой раме. Двое прохожих некоторое время смотрели на зелёное окно с противоположного дому тротуара; потом Стильтон сказал:

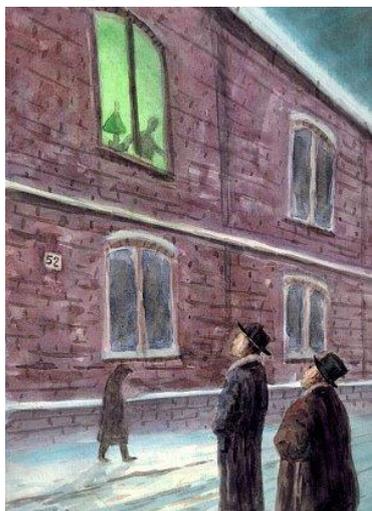

Иллюстрация М.Киркевича

– Так вот, милейший Реймер, когда вам будет скучно, приходите сюда и улыбнитесь. Там, за окном, сидит дурак. Дурак, купленный дёшево, в рассрочку, надолго. Он сопьется от скуки или сойдет с ума... Но будет ждать, сам не зная чего. Да вот и он!

Действительно, темная фигура, прислонясь лбом к стеклу, глядела в полутьму улицы, как бы спрашивая: «Кто там? Чего мне ждать? Кто придет?»

– Однако вы тоже дурак, милейший, – сказал Реймер, беря приятеля под руку и увлекая его к автомобилю. – Что веселого в этой шутке?

– Игрушка... игрушка из живого человека, – сказал Стильтон, – самое сладкое кушанье!

II

В 1928 году больница для бедных, помещающаяся на одной из лондонских окраин, огласилась дикими воплями: кричал от страшной боли только что привезенный старик, грязный, скверно одетый человек с истощенным лицом. Он сломал ногу, оступившись на черной лестнице темного притона.

Пострадавшего отнесли в хирургическое отделение. Случай оказался серьезный, так как сложный перелом кости вызвал разрыв сосудов. По начавшемуся уже воспалительному процессу тканей хирург, осматривавший беднягу, заключил, что необходима операция. Она была тут же произведена, после чего ослабевшего старика положили на койку, и он скоро уснул, а проснувшись, увидел, что перед ним сидит тот самый хирург, который лишил его правой ноги.

– Так вот как пришлось нам встретиться! – сказал доктор, серьезный, высокий человек с грустным взглядом. – Узнаете ли вы меня, мистер Стильтон? – Я – Джон Ив, которому вы поручили дежурить каждый день у горящей зеленой лампы. Я узнал вас с первого взгляда.

– Тысяча чертей! – пробормотал, вглядываясь, Стильтон. – Что произошло? Возможно ли это?

– Да. Расскажите, что так резко изменило ваш образ жизни?

– Я разорился... несколько крупных проигрышей... паника на бирже... Вот уже три года, как я стал нищим. А вы? Вы?

– Я несколько лет зажигал лампу, – улыбнулся Ив, – и вначале от скуки, а потом уже с увлечением начал читать всё, что мне попадалось под руку. Однажды я раскрыл старую анатомию, лежавшую на этажерке той комнаты, где я жил, и был поражен. Передо мной открылась увлекательная страна тайн человеческого организма. Как пьяный, я присидел всю ночь над этой книгой, а утром отправился в

библиотеку и спросил: «Что надо изучить, чтобы сделаться доктором?» Ответ был насмешлив: «Изучите математику, геометрию, ботанику, зоологию, морфологию, биологию, фармакологию, латынь и т. д.» Но я упрямо допрашивал, и я всё записал для себя на память.

К тому времени я уже два года жёг зеленую лампу, а однажды, возвращаясь вечером (я не считал нужным, как сначала, безвыходно сидеть дома 7 часов), увидел человека в цилиндре, который смотрел на моё зеленое окно не то с досадой, не то с презрением. «Ив – классический дурак! – пробормотал тот человек, не замечая меня. – Он ждёт обещанных чудесных вещей... да, он хоть имеет надежду, а я... я почти разорен!» Это были вы. Вы прибавили: «Глупая шутка. Не стоило бросать денег».

У меня было куплено достаточно книг, чтобы учиться, учиться и учиться, несмотря ни на что. Я едва не ударил вас тогда же на улице, но вспомнил, что благодаря вашей издевательской щедрости могу стать образованным человеком...

– А дальше? – тихо спросил Стильтон.

– Дальше? Хорошо. Если желание сильно, то исполнение не замедлит. В одной со мной квартире жил студент, который принял во мне участие и помог мне, года через полтора, сдать экзамены для поступления в медицинский колледж. Как видите, я оказался способным человеком...

Наступило молчание.

Я. Калиниченко «Зеленая лампа».1890

– Я давно не подходил к вашему окну, – произнес потрясенный рассказом Ива Стильтон, – давно... очень давно. Но мне теперь кажется, что там все еще горит зеленая лампа... лампа, озаряющая темноту ночи. Простите меня.

Ив вынул часы.

– Десять часов. Вам пора спать, – сказал он. – Вероятно, через три недели вы сможете покинуть больницу. Тогда позвоните мне, – быть может, я дам вам работу в нашей амбулатории: записывать имена проходящих больных. А спускаясь по темной лестнице, зажигайте... хотя бы спичку.

11 июля 1930 г.